

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VIII (XXII)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(15–17 апреля 2021 г.)

Выпуск 22

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Proceedings of the VIII (XXII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 15–17, 2021)

Issue 22

Tomsk
TSU Press
2021

блемы, демонстрирует свою мораль. В раннем творчестве чеховский повествователь «не доверяет ограниченной пространственно (и психологически) точке зрения персонажа – все окружающее он изображает со своей точки зрения» [5. С. 182], однако в более поздних произведениях писателя точка зрения зачастую смещается.

Таким образом, эти рассказы объединяются не только названиями, но и ходом нарратива, основанном на принципе нулевой фокализации. В начале рассказов читатель смотрит на происходящее, прежде всего, глазами главных героев, и автор изначально развивает сюжет по этой линии, но затем он ее неожиданно обесценивает, меняет фокусы повествования, и наступает совершенно неожиданная развязка. Эти рассказы убедительно свидетельствуют о том, что Чехов принципиально отличается от других писателей своими принципами организации нарратива: если они для обоснования важных смыслов описываемого события фокусируются на нем на протяжении всего произведения, то Чехов, наоборот, меняет фокусировки.

Литература

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 7. М. : Наука, 1977. 735 с.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 6. М. : Наука, 1976. 736 с.
3. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
4. Спутники Чехова / под ред. В.Б. Катаева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
5. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 291 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-97

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО Пац'орка Е.И.

Томский государственный педагогический университет, аспирант

THE PROBLEM OF FAMILY EDUCATION IN «A WRITER'S DIARY» BY F.M. DOSTOEVSKY Pac'orka E.I.

Tomsk State Pedagogical University, postgraduate student

Статья посвящена вопросу о роли семьи в процессе формирования личности. В последнее десятилетие общество пришло к осознанию того, что духовно-

нравственное становление и культурное развитие молодого поколения немислимы вне традиций, связанных с морально-ценностной парадигмой детско-родительских отношений в рамках семейного воспитания. В связи с этим актуальным видится обращение к тексту «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, репрезентирующего ценностно мировоззренческую позицию автора, в том числе в вопросах семейного воспитания.

Ключевые слова: ценность, семья, духовная биография, опыт.

The article deals with the role of the family in the process of personality formation. In the last decade, society has come to the realization that the spiritual, moral and cultural development of the younger generation is strongly connected with the traditions related to the value emphases of child-parental relations within the framework of family education. In this regard, an appeal to the text of the «Writer's Diary» by F.M. Dostoevsky, representing the author's worldview, including in matters of family education, is considered relevant.

Key words: value, family, spiritual biography, experience.

Научный руководитель: А.Н. Кошечко, д-р филол. наук, профессор ТГПУ.

Литературные тексты запечатлевают ценность авторского сознания в силу того, что «при всем различии между эмпирической жизнью поэта и его поэтическим творчеством, *духовная личность* его остается все же единой, и его творения так же рождаются из глубины этой личности, как и его личная жизнь и его воззрения как человека. В основе художественного творчества лежит, правда, не личный эмпирический опыт, но все же его духовный опыт» [1. С. 71]. Отрефлексированный опыт Достоевского вербализуется в его слове, явленном на страницах «Дневника писателя». Духовная биография автора раскрывается через обращение Достоевского к событиям собственной жизни на основе возможности их переосмысления. «Дневник писателя» отражает не просто отчужденное осознание, но соприкосновение с фактами собственного бытия. Достоевский одновременно предстает как писатель, участвующий в социальной действительности, и как человек, непосредственно сейчас проживающий и переживающий свою жизнь.

Собственный отрефлексированный опыт проживания события или явления дает возможность писателю оценить и предъявить его как ценностное начало, которое становится ресурсом в процессе развития самоопределяющейся личности. Это подразумевает особенность работы писателя с ценностями на уровне «не только определения (собственно понятийный уровень), но и оценки (нравственный уровень), которая отвечает на следующие вопросы: “Что значит для меня, внутреннего мира моей личности данное понятие? Какие события провоцируют его актуализа-

цию? Что и каким образом это понятие помогает мне осмыслить? Существует ли разница в понимании этого понятия мною и другими людьми?» [2. С. 94].

На основе собственного духовного опыта Достоевский формулирует три ценностнопорождающих ориентира в процессе гармоничного развития личности: духовность, семья, общество. Писатель представляет эту ценностную иерархию в виде триединства Бог–народ–семья [3].

В качестве ценностной первоосновы своей личности Достоевский осмысляет семью, так как именно в этом кругу был дан идеал нравственного совершенствования личности: «Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства <...>. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня. Я очень часто задумываюсь испрашиваю себя теперь: какие впечатления, большею частию, выносит из своего детства уже теперешняя современная нам молодежь?» [4. С. 134]. Духовный опыт Достоевского, вербализированный в «Дневнике писателя», демонстрирует, что ценностная основа, заложенная в семье, связана для него с любовью, заботой и приобщением к вере.

В попытке диалога с русским обществом на страницах «Дневника писателя» Достоевский представляет концепт семьи как точку сосредоточенного проявления тех процессов, которые доминируют в обществе пореформенной эпохи и активно проявляют себя в формировании социальных, духовных, мировоззренческих установок личности.

В представлениях писателя именно семья задает первоначальную «направленность» развития ребенка, формируя представления о добре и зле, правде и лжи, надлежащем и недолжном и т. д.

Эти сложные экзистенциальные процессы личностного становления напрямую связаны с наличием «почвы», которую Достоевский определяет как доминанты нравственной парадигмы личности: уважение, неравнодушие, духовные основания жизненной позиции, патриотизм, «естественная правда». Аксиологический потенциал этого понятия в процессе развития молодого поколения раскрывается в «Дневнике писателя» методом от противного: «дети воспитываются без почвы вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, – тут ли, из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни? Вот где начало зла...» [4. С. 132].

«Почва» – это и личный пример родителей в добре, честности, сострадании. Поэтому на этапе некритичной части опыта семейная атмосфера, поведение, отношение родителей воспринимаются ребенком и на неосознанном уровне формируют личностную первооснову. Поэтому первостепенной задачей родителей с первых дней жизни ребенка, в представлениях Достоевского, должно быть стремление занять активную и неравнодушную позицию в процессе семейного воспитания.

Ценностная система экзистенциального сознания Достоевского амбивалентна и определяема конечным ориентиром движения сознания к полюсу Истины, либо к полюсу Абсурда [3]. Именно последний вектор осмысления ярко проявляет себя на страницах «Дневника писателя», раскрывая апологию ценности семьи по принципу от противного. По мысли Достоевского, для того чтобы воссоздать ценностную основу семейного воспитания, нужно осознать деструктивные начала, которые порождают и одновременно обусловлены псевдоидеалами эпохи.

Представления писателя о воспитании в семье связаны прежде всего с фигурой «отца», определяющего вектор развития молодого поколения. Именно через образы отцов Достоевский раскрывает ту антиценностную «почву», которая определяет мировоззренческие доминанты молодого поколения. Выстраивая размышления о роле детско-родительских отношениях в процессе личностного становления по принципу от противного, Достоевский указывает на преобладание в обществе «отцов с идеями» и «ленивых отцов».

«Отцы с идеями» являются продуктом социального процесса, обозначенного Достоевским как «обособление»: «Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное» [5. С. 80]. Воспитание, имеющее в качестве основы столь неустойчивые доминанты или, по мысли Достоевского, характеризующееся отсутствием «почвы», приводит к вседозволенности, выражающейся в осознание молодым поколением что «если нет ничего святого, то, стало быть, можно делать всякую пакость» [6. С. 179]. В качестве первопричины этих изменений автор «Дневника писателя» видит отсутствие духовно-нравственной основы в современном семейном воспитании, аксиологический вектор которого определяется искажением «зародившего духа», воплощенного в «собственной вере».

Процесс воспитания, с точки зрения Достоевского, – это самоотверженный непрестанный труд, которые не терпит равнодушия и лени. Отсюда в осмыслении семейного воспитания появляется анализ совершенно

особого типа родителей, которых писатель обозначает емким термином – «ленивые сердца»: «стремятся они откупиться от него [ребенка] деньгами, если есть деньги. Если же и деньги не помогают, или, как у многих, их и вовсе нет, то прибегают обыкновенно к строгости, к жестокости, к истязанию, к розге» [6. С. 190]. Это отцы, оберегающие свой покой, быть может, неплохие люди, но отстраненные родители, для которых характерна «жажда покоя и уединения <...> отъединения от всех долгов и обязанностей»: «это ненавистное чувство, вечно раздражаемое напоминанием неисполненного относительно детей долга, раздражаемое вечным торчанием перед вами этих маленьких, новых личностей, требующих от вас всего и дерзко (увы, не дерзко, а по-детски!) не понимающих, что вам так нужен ваш покой, и считающих этот покой ни во что... это ненавистное чувство даже к собственным детям может переродиться наконец в настоящую месть, а под поощрением и подстреканием безнаказанности – даже в зверство. Да *леность и всегда порождает зверство*, заканчивается зверством. И *зверство это не от жестокости, а именно от лени*. *Сердца эти не жестокие, а именно ленивые сердца*» [6. С. 185]. Достоевский характеризует этот тип отцов как наиболее характерный для русского общества. Но трагические последствия воспитания «ленивыми отцами» не в полной мере осознаются обществом: «в написанных законах нигде нет статьи, ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям. Иначе пришлось бы осудить пол-России, – куды, гораздо больше. Да и что такое бессердечное отношение? Вот если бы жестокие истязания, какие-нибудь ужасные, бесчеловечные» [6. С. 183].

Воспитание в таком семейном кругу Достоевский представляет как процесс с отсроченными результатами. Но проследить уже обозначившиеся первые последствия воспитания «ленивых» отцов писатель позволяет своему читателю в июльско-августовском номере «Дневника писателя» 1877 года. Само название главы «Дело родителей Джунковских с родными детьми» звучит парадоксально. Семейные взаимоотношения переходят в сферу юридическую. Родителей обвиняют в скверном воспитании детей, но мать семейства в свою очередь пытается переложить весь груз ответственности на «дурных учителей и гувернанток». Страшнее всего то, что со стороны родителей исходит попытка обвинить детей в испорченности как самоданности, а не в результате детско-родительских взаимоотношений.

Избрав метод от противного в изображении воспитания юной личности в кругу семьи, Достоевский погружает читателя в страшную ситуа-

цию разобщенности, подмены ценностей и понятий, отсутствия нравственной парадигмы в обществе в целом и в человеке в частности. Но предлагает единственный путь к спасению – воспитание юной личности на основе исторической преемственности ценностных первооснов. Первоопределяющим элементом на этом пути видится семья. Структурируя ценностное ядро семейного воспитания, Достоевский вводит в него такие компоненты как порядок, любовь, память и приобщение к языку.

Литература

1. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957. 608 с.
2. Кошечко А.Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского : дис. ... д-ра филол. наук. Томск : Изд-во ТГПУ, 2015. 480 с.
3. Кошечко А. Н. Духовные ценности и их роль в самоопределении личности // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России : материалы XXII духовно-исторических чтений памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2013. С. 34–41.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 21. Л. : Наука, 1980. 551 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 22. Л. : Наука, 1981. 407 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 25. Л. : Наука, 1983. 470 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-98

ПЬЕСА В. КРЫЛОВА И Г. СУТУГИНА «ИДИОТ» ПО ОДНОИМЕННОМУ РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ИСТОРИЯ ТЕКСТА, СПЕКТАКЛИ, КРИТИКА

Бабушкина П.В.

Литературный институт им. А. М. Горького, аспирант

STAGING DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE IDIOT» BY V. KRYLOV AND G. SUTUGIN: HISTORY OF THE PLAY, SPECTACLES AND THE CRITICS

Babushkina P.V.

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, postgraduate student

Переделка В. Крылова и Г. Сутугина «Идиот» (1899 г.) одноименного романа Ф.М. Достоевского – самая успешная инсценировка XIX в. среди всех, что были